

ПОЛИТИЯ

А.Н.Щербак, Я.Я.Герина, Д.А.Бердюженко,
А.Б.Мендыгалиева, А.В.Зайцева

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ СССР¹

Ключевые слова: национализм, национальная политика СССР, внешняя политика СССР, геополитическая теория Коллинза

Введение

¹ Исследование финансировалось в рамках Программы государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

² Щербак и др. 2016.

³ Там же.

При описании советской национальной политики невольно напрашивается сравнение с маятником. Подобная метафора подчеркивает постоянную смену подходов и неспособность найти оптимальный баланс между интересами доминирующего этноса и этнических меньшинств². Действительно, «мягкие» волны в национальной политике СССР (защита интересов меньшинств, своего рода мультикультурализм, или «коренизация») чередовались с «жесткими» (ставка на русификацию), причем каждая новая волна выглядела как реакция на недостатки и «перегибы» предыдущей. Так, переход к политике «коренизации» можно считать реакцией на сталинский курс с его массовыми репрессиями и депортациями целых народов³.

Но, отражая «волнообразный» характер советской национальной политики, метафора маятника не раскрывает тех механизмов, которые обуславливают чередование волн. Да, реактивность политики вполне очевидна, но это лишь объяснение формы чередования (за «мягкой» волной следует «жесткая», и наоборот), но не его содержания. В чем причины перехода от благоприятствующей меньшинствам политики «коренизации» к политике ассимиляции?

Один из возможных ответов на этот вопрос дает геополитическая теория этничности американского социолога Рэндалла Коллинза. Согласно этой теории, если в мирное время правительства готовы учитывать интересы меньшинств, то в периоды геополитического напряжения они стараются подчинить их интересам большинства, делая упор на национальное единение. Логика их действий понятна: если страна оказалась в опасности, все социальные группы должны поставить государственные интересы выше собственных, забыть про различия, объединиться для борьбы с общим врагом. В сфере национальной политики, понимаемой как политика управления национализмом, это может означать ограничение политической и культурной автономии меньшинств, нетерпимость к любым проявлениям нелояльности в отношении культуры большинства и даже репрессии⁴.

⁴ Коллинз 2015.

Исходя из теории Коллинза, правомерно предположить, что «мягкие» волны национальной политики должны были приходиться на относительно мирные периоды советской истории, а «жесткие» — на периоды

войн и конфликтов. Иными словами, «коренизация» была допустима только в отсутствие внешних угроз советскому государству, и рост геополитического напряжения тут же влек за собой всплески русификации. Проверке этой гипотезы и посвящена настоящая статья. Для решения этой задачи мы проанализируем чередование волн в советской национальной политике, а затем сопоставим его с динамикой геополитической напряженности. В завершение мы попытаемся вписать полученные выводы в более широкий контекст, экстраполировав их на постсоветский период.

Но прежде чем приступать к изложению результатов исследования, целесообразно чуть более подробно остановиться на теории Коллинза, послужившей для него концептуальной основой.

**Политика внешняя
и политика
национальная:
геополитическая
теория этничности
Рэндалла Коллинза**

В основе подхода Коллинза к объяснению причин преобладания тенденций к этническому многообразию или единообразию лежит представление о силе государства: «каким образом государство мобилизует свое население в военном плане и как проникает в него через свои гражданские шупальца»⁵; его теория этничности, как подчеркивает сам автор, носит «государственно-центрированный» характер⁶. Ключевым для данной теории является вопрос о регулировании государством числа этнических групп на своей территории: при каких обстоятельствах проводится политика ассимиляции, а при каких — мультикультурализма?

В ходе поиска ответа на этот вопрос Коллинз обращается к макроисторической перспективе. Сама этничность рассматривается им как «конструкция», которая подвержена различным манипуляциям и может быть использована в целях политической мобилизации. Высокая степень этнической мобилизации есть этнонационализм⁷.

Новизна подхода Коллинза проявляется в увязке национальной политики с геополитическим могуществом государства. Геополитические успехи государства укрепляют престиж и легитимность его правителей внутри страны, и наоборот. То же самое относится и к доминирующим этническим группам: в сильном в геополитическом отношении государстве престиж доминирующей в нем этнической группы высок, в слабом — низок. В первом случае этническому большинству достаточно просто интегрировать в себя «протоэтнические» группы, что ведет к утверждению общего языка, универсальных стандартов культуры и образования. Во втором национальные институты из инструмента национального единения превращаются скорее в арену этнического противостояния. Иначе говоря, внешнеполитические провалы государства препятствуют ассимиляции. Одно дело — войти в состав большой престижной группы, другое — стать частью группы-неудачницы.

Весьма показателен в этом плане пример панславизма, в основе которого лежало повышение престижа Российской империи на протяжении XIX столетия. Накопленные российским государством людские и территориальные ресурсы сделали его гораздо сильнее Османской и Габсбургской империй, утративших свое геополитическое влияние на

⁵ Там же: 132—133.

⁶ Там же: 133.

⁷ Там же: 145.

юго-западе. Неудивительно, что находившиеся под властью этих империй славянские народы тяготели именно к России: сближение с самой могущественной в регионе державой позволяло считать ее престиж своим собственным⁸. Сходным образом можно объяснить успешность ассимиляции по типу «плавильного котла» в США: стать американцем было престижнее, чем оставаться поляком, голландцем или итальянцем.

⁸ Там же: 155—156.

В соответствии с теорией Коллинза, внешняя и внутренняя политика тесно взаимосвязаны, что отражается на развитии национализма. Особого внимания заслуживает идея о влиянии ситуации геополитического баланса на расцвет «космополитизма»⁹. Баланс сил подразумевает, что военное и политическое могущество примерно поровну разделено между несколькими государствами. Но равная степень могущества предполагает равный престиж и привлекательность, а тем самым — и относительно низкую этнополитическую мобилизацию. Страны открыты для культурных влияний извне, наднациональные культурные образцы берут верх над национальными, которые начинают восприниматься как провинциальные. Другими словами, низкое геополитическое напряжение способствует расцвету космополитизма и мультикультурализма и в большей степени отвечает интересам этнических меньшинств, нежели этнического большинства.

⁹ Там же: 165.

С нарушением геополитического баланса ситуация меняется. В условиях нарастания геополитического напряжения, особенно если дело доходит до военных конфликтов, государство вынуждено задействовать этнополитическую мобилизацию, проводя политику единения с доминирующей этнической группой. В рамках данной логики сходство оказывается превыше различий; в предельных случаях отсутствие лояльности к этническому большинству сурово наказывается. Как следствие, политика в этнической сфере сдвигается в сторону ассимиляции.

Таким образом, мы получаем довольно простую матрицу, которая увязывает национальную политику со степенью геополитического напряжения. Периодам внешнеполитических обострений сопутствует курс на ассимиляцию, тогда как в периоды внешнеполитической стабильности на первый план выходят космополитизм и мультикультурализм. Применительно к Советскому Союзу это означает, что «мягкие» волны национальной политики, которые ассоциируются с «коренизацией» и развитием национальных республик, должны сочетаться с относительно мирной внешней политикой, а «жесткие» — с обострением геополитической ситуации, войнами и конфликтами.

**Советская
национальная
политика:
колебания
«маятника»**

При рассмотрении советской истории с точки зрения национальной политики в ней можно выделить шесть относительно близких по протяженности периодов:

- 1) 1917—1925 г. (период революции и Гражданской войны);
- 2) 1926—1939 г. (период «позитивной дискриминации», или первичной «коренизации»);

- 3) 1940—1955 гг. (период великодержавного русского шовинизма);
- 4) 1956—1970 гг. (период вторичной «коренизации»);
- 5) 1971—1985 (период нарастания противоречий);
- 6) 1986—1991 гг. (период перестройки).

Приведем краткое описание каждого из них.

1917—1925 гг. Поражение в Первой мировой войне, революция и начало Гражданской войны привели к необратимым изменениям в истории России, став причиной государственного раскола, в результате которого целый ряд территорий бывшей Российской империи объявил о своей независимости.

Военно-политическое движение «белых», образованное с целью свержения большевистской власти и подконтрольных ей политических структур, выступало за «единую и неделимую Россию». В свою очередь большевики провозгласили право наций на автономию и самоопределение¹⁰. Предложенное ими решение национального вопроса в форме этнического федерализма привлекло на их сторону многочисленные этнические меньшинства. Учрежденный по итогам Гражданской войны Союз Советских Социалистических Республик преподносился как политическое объединение равноправных наций. Показательно, что в названии нового государства не было слов «русский» и «российский».

1926—1939 гг. По окончании Гражданской войны приоритетным направлением советской национальной политики стало ускоренное развитие этнических меньшинств, в том числе создание благоприятных культурных, социальных и экономических условий для формирования национальных идентичностей. Появление многочисленных средних, средних специальных и высших учебных заведений с обучением на местных языках привело к вызреванию национальных интеллигенций.

Политика «позитивной дискриминации» включала в себя «коренизацию» (прежде всего в языковой сфере), латинизацию алфавитов, ускоренное национальное строительство¹¹. По меткому выражению Терри Мартина, Советский Союз был «не плавильным котлом, а инкубатором новых наций»¹². Но несмотря на свой безусловно положительный эффект, к середине 1930-х годов политика «позитивной дискриминации» достигла своего предела. Во-первых, индустриализация и коллективизация показали, что среди всех этнических групп наиболее лояльны советскому режиму именно русские. Во-вторых, формирование национальных идентичностей повлекло за собой заметный рост националистических (а тем самым — и антисоветских) настроений. Такое развитие событий противоречило намерениям власти, и политика «позитивной дискриминации» была постепенно свернута¹³.

1940—1955 гг. Утверждение великодержавного русского шовинизма объяснялось как стремлением большевиков сохранить и приумножить поддержку со стороны этнических русских и положить конец развитию местного национализма, так выявившейся идеологической слабостью пролетарского интернационализма. Одним из первых проявлений

¹⁰ Щербак и др. 2016: 103—104.

¹¹ Там же: 105—106.

¹² Martin 2001.

¹³ Щербак и др. 2016: 106.

сдвига в национальной политике был фактический запрет на критику русской культуры и русского народа в целом. На смену обвинениям его в колониализме пришло подчеркивание всемирной исторической роли русского пролетариата как авангарда мировой пролетарской революции. Русские начали восприниматься как «имперский клей», стала поощряться их миграция в национальные республики¹⁴. Курс на русификацию нашел отражение на уровне кадровых решений: доля русских среди первых секретарей республиканских партийных организаций неуклонно росла.

¹⁴ Vujacic 2007: 161.

Великая Отечественная война укрепила веру советского руководства в русских как наиболее лояльную этническую группу. В то же время целый ряд народов был обвинен в коллаборационизме и депортирован. Русификация охватила сферы культуры и образования. Распространение коммунизма было приравнено к распространению русского влияния, что делало роль русских в новом мировом порядке неоспоримой. Политика великодержавного русского шовинизма была пересмотрена только после смерти Иосифа Сталина¹⁵.

¹⁵ Щербак и др. 2016.

1956—1970 гг. В 1956 г. по инициативе Никиты Хрущева началась кампания по ревизии сталинизма, включавшая в себя и пересмотр политики в сфере национальных отношений. В частности, Хрущевым был подчеркнут вклад *многонационального* советского народа в победу в Великой Отечественной войне. Основной части репрессированных народов было разрешено вернуться в родные места. Разоблачение «Большого террора» означало не просто отказ от массовых репрессий, но переход к «мирному сосуществованию» как с остальным миром, так и внутри СССР¹⁶.

¹⁶ Там же.

После смещения Хрущева в 1964 г. этот курс продолжил Леонид Брежнев. Важным элементом инициированной им «корпоративистской сделки»¹⁷ стала новая версия политики «коренизации». Речь идет о политике «доверия местным кадрам», предполагавшей продвижение на посты в местных партийных организациях и государственных органах представителей титульной нации, которые, в свою очередь, брали на себя обязательство демонстрировать политическую лояльность и поддерживать социальную стабильность на вверенных им территориях. Хрущевский и особенно брежневский (точнее, первая его половина) периоды были «золотым веком» развития этнических институтов во всех национальных регионах Советского Союза. Создавались новые национальные университеты, научные институты, учреждения культуры, издательства, увеличивалось число газет и журналов на национальных языках, что вкупе с расширением доступа в партийные и советские органы открывало для местной интеллигенции невиданные ранее возможности самореализации¹⁸.

¹⁸ Щербак и др. 2016: 108.

1971—1985 гг. С начала 1970-х годов в советской национальной политике стали нарастать противоречия, обусловленные конфликтом нескольких подходов. Параллельно с политикой «коренизации» проводилась и политика скрытой ассимиляции. Проявления местного национализма вызывали все более жесткую реакцию. Показательно в этом плане увольнение в 1972 г. первого секретаря ЦК Коммунистической

партии Украины Петра Шелеста, заподозренного в «националистическом уклоне». Примечательна и история с бывшими немцами Поволжья, в основном проживавшими в Казахстане. С одной стороны, в 1972 г. с них были сняты последние ограничения в выборе места жительства, с другой — в 1979 г. им было отказано в создании своей автономной области в составе Казахской ССР¹⁹.

¹⁹ Там же: 109.

Во второй половине 1970-х годов в связи с подготовкой к принятию новой Конституции СССР в стране обострились дискуссии о национальной политике. Многонациональный советский народ был, по сути, объявлен новой политической нацией, велись разговоры о возможной отмене этнофедеральной структуры СССР. Среди новых вызовов можно отметить: а) обострение экономических противоречий между республиками; б) попытки ревизии кадровой политики (частичный отказ от «коренизации»); в) изменение демографического баланса между славянскими и мусульманскими народами; г) рост русского национализма. Набирала силу тенденция к латентной языковой ассимиляции (русификации), которая проявлялась в сокращении преподавания местных языков и повышении роли русского языка, что вызывало протест со стороны национальной интеллигенции²⁰.

²⁰ Salchanyk 1982; Lapidus 1984: 572.

1986—1991 гг. С приходом к власти Михаила Горбачева в 1985 г. и началом масштабного обновления советской политической системы баланс между центром и республиками стал быстро меняться. Прошедшие в 1990 г. республиканские выборы продемонстрировали взлет популярности националистов, выступавших с лозунгами политической автономии вплоть до независимости. «Парад суверенитетов» охватил и РСФСР: за период с августа по октябрь 1990 г. государственный суверенитет провозгласили свыше 10 входивших в ее состав автономных республик и областей. К началу 1991 г. о своей независимости объявили шесть союзных республик. Провал августовского путча сделал распад СССР неизбежным, и в декабре 1991 г. он прекратил свое существование.

Разбив историю СССР на шесть периодов, мы провели эмпирический анализ советской национальной политики по трем измерениям: 1) административный статус этнических регионов; 2) кадровая политика (этническая принадлежность первых секретарей республиканских партийных организаций); 3) культурно-языковая политика. Результаты анализа представлены в *табл. 1*. Знаком «+» обозначен рост показателя по сравнению с предыдущим периодом; знаком «-» — его снижение. При анализе изменений административного статуса каждому году присваивалось значение по шкале от 0 до 1,1 (0 — нет отдельного региона; 0,25 — округ в неэтническом регионе; 0,5 — национальный округ в автономной республике, автономная область; 0,75 — АССР; 1 — ССР; 1,1 — независимое государство). Применительно к этнической принадлежности первых секретарей использовалась кодировка по каждому из периодов по шкале от 1 (все титульной национальности) до 0 (ни одного титульной национальности).

Таблица 1 Динамика советской национальной политики

	Периоды				
	1926—1939	1940—1955	1956—1970	1970—1985	1986—1991
Административный статус	+	–	+	+	+
Статус этнических регионов	0,775	0,767	0,813	0,821	0,828
Кадровая политика	+	–	+	+	+
Доля первых секретарей титульной национальности					
ССР	0,33	0,56	0,91	1,0	0,96
АССР	0,39	0,31	0,51	0,56	0,8
Культурно-языковая политика	+	+	+	–	+
Среднее (по ССР, АССР и АО) число лет обучения в школе на родном языке	6	5,04	4,56	3,4	н/д
Тираж книг на родном языке (на душу населения)	0,907	0,954	1,553	1,195	н/д
Тираж газет и журналов на родном языке (на душу населения)	0,083	0,358	3,018	2,981	н/д

Источники: Anderson B., Silver B. 1984. Equality, Efficiency, and Politics in Soviet Bilingual Education Policy, 1934—1980 // *American Political Science Review*. Vol. 78. December; *Народное хозяйство СССР в 1985 году: Статистический ежегодник*. 1986. — М.; *Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: Статистический ежегодник*. 1987. — М.

Как видно из приведенных в таблице данных, административный статус этнических регионов повышался во все периоды, кроме периода 1940—1955 гг. (ликвидация ряда автономных республик после 1944 г.). Доля первых секретарей титульной национальности тоже росла во все периоды, кроме периода 1940—1955 гг., когда этот рост был блокирован политической русификацией в АССР. В сфере культурно-языковой политики ситуация несколько сложнее. Хотя возможности для обучения в школах на родном языке постоянно сокращались, тиражи книг, журналов и газет на национальных языках росли, за исключением периода 1971—1985 гг.

Таким образом, периоды 1926—1939, 1956—1970 и 1986—1991 гг. можно квалифицировать как «мягкие» волны национальной политики,

когда политика в отношении этнических регионов носила в целом благожелательный характер: их административный статус повышался, шла политическая и культурно-языковая «коренизация». В свою очередь, периоды 1940—1955 и 1971—1985 гг. правомерно обозначить как «жесткие» волны, когда происходил откат по линии либо политической, либо культурно-языковой «коренизации». В то же время эти волны различались по степени «жесткости», поэтому первую из них мы будем называть «большой жесткой волной», а вторую — «малой».

Волны национальной политики и уровень геополитического напряжения

Для проверки гипотезы о взаимосвязи геополитического напряжения и характера советской национальной политики мы создали базу данных по международным кризисам и военным конфликтам, в которых участвовал СССР (см. *табл. 2*). При сборе соответствующей информации мы опирались на *Armed Conflicts Dataset*²¹, *Conflict Catalog*²², публикации о советских потерях²³, а также исследования, посвященные отдельным конфликтам²⁴. Анализ осуществлялся по пяти периодам, совпадающим со 2—6 периодами, выделенными применительно к национальной политике (первый период был исключен из анализа, поскольку советское государство тогда находилось лишь в стадии становления; третий период решено было начать с года начала Второй мировой войны — 1939-го).

Приведенные в *табл. 2* данные показывают, что частота и масштаб конфликтов варьируют по периодам. В период 1926—1939 гг. СССР принимал участие в пяти вооруженных конфликтах. Это конфликт на КВЖД (1929 г.), советско-афганский конфликт 1929—1930 гг., отправка советских «добровольцев» в Испанию (1936—1939 гг.), военная помощь Китаю против Японии (1937—1939 гг.) и советско-японский конфликт у озера Хасан в Монголии (1938 г.).

Максимальное число конфликтов и кризисов (12 конфликтов и 3 кризиса) приходится на 1939—1955 гг. Крупнейшим конфликтом этого периода являлась, конечно, Великая Отечественная война с 27 млн. жертв. Помимо нее, к этому периоду относятся советско-японский конфликт у реки Халкин Гол (1939 г.), «Зимняя война» с Финляндией (1939—1940 гг.), «освободительные походы» Красной армии 1939—1940 гг., советско-британская оккупация Ирана (1941 г.), Советско-японская война (1945 г.), операции против УПА в Западной Украине и против «лесных братьев» в Прибалтике (1946—1950 гг.), советское участие в гражданской войне в Китае (1946—1950 гг.) и Корейской войне (1950—1953 гг.), а также иранский кризис 1946 г., связанный с попыткой СССР установить свой контроль над этой страной, турецкий кризис того же года, когда СССР предъявил территориальные претензии к Турции, и берлинский кризис 1948 г. (блокада Советским Союзом железнодорожных и автомобильных путей в западные секторы Берлина). Отметим, что именно в этот период началась и холодная война между Западом и советским блоком.

²¹ Gleditsch et al. 2002.

²² Brecke 1999.

²³ Филимошин 1999; Кривошеев (ред.) 2001.

²⁴ Агабеков 1992; Война 2001; Sarkees, Wayman 2010; Окорочков б.г.

Таблица 2 Международные кризисы и военные конфликты с участием СССР

	<i>Годы</i>	<i>Период</i>	<i>Кризис / конфликт</i>	<i>Продолжительность (число лет)</i>	<i>Советские потери (чел.)</i>
Конфликт на КВЖД	1929	1926—1938	конфликт	1	1000
Афганские походы РККА	1929—1930	1926—1938	конфликт	2	120
Гражданская война в Испании	1936—1939	1926—1938	конфликт	4	189
Военная помощь Китаю в войне против Японии	1937—1939	1926—1938	конфликт	4	227
Бои у о. Хасан	1938	1926—1938	конфликт	1	865
Бои на Халхин-Голе	1939	1939—1955	конфликт	1	9700
Освободительный поход РККА в Западную Украину и Белоруссию	1939	1939—1955	конфликт	1	1475
Советско-финская война	1939—1940	1939—1955	конфликт	2	95000
Присоединение стран Балтии	1939—1940	1939—1955	конфликт	2	н/д
Присоединение Бессарабии и Северной Буковины	1940	1939—1955	конфликт	1	н/д
Великая Отечественная война	1941—1945	1939—1955	конфликт	4	27000000
Англо-советское вторжение в Иран	1941	1939—1955	конфликт	1	40
Советско-японская война	1945	1939—1955	конфликт	1	12031
Иранский кризис	1946	1939—1955	кризис	1	0
Турецкий кризис (территориальные претензии СССР к Турции)	1946	1939—1955	кризис	1	0
Борьба с УПА в Западной Украине	1946—1950	1939—1955	конфликт	4	30000

Таблица 2
(продолжение)

	<i>Годы</i>	<i>Период</i>	<i>Кризис / конфликт</i>	<i>Продолжительность (число лет)</i>	<i>Советские потери (чел.)</i>
Борьба с «лесными братьями» в Прибалтике	1946—1950	1939—1955	конфликт	4	14700
Гражданская война в Китае	1946—1950	1939—1955	конфликт	5	936
Берлинский кризис-1	1948—1949	1939—1955	кризис	2	0
Корейская война (советские летчики и советники)	1950—1953	1939—1955	конфликт	4	282
Подавление Венгерского восстания	1956	1956—1970	конфликт	1	720
Вьетнамская война (советские советники)	1956—1964	1956—1970	конфликт	8	16
Берлинский кризис-2	1961	1956—1970	кризис	1	0
Карибский кризис	1962	1956—1970	кризис	1	0
Военная помощь Кубе (советские советники)	1962—1964	1956—1970	конфликт	3	69
Вторжение в Чехословакию	1968	1956—1970	конфликт	1	96
Бои на о-ве Даманский	1969	1956—1970	конфликт	1	58
Гражданская война в Мозамбике (советские советники)	1975—1979	1971—1985	конфликт	5	8
Гражданская война в Анголе (советские советники)	1976—1986	1971—1985	конфликт	11	54
Гражданская война в Эфиопии (советские советники)	1977—1979	1971—1985	конфликт	3	33
Война в Афганистане	1979—1989	1971—1985	конфликт	11	15051

Таблица 2
(продолжение)

	Годы	Период	Кризис / конфликт	Продолжительность (число лет)	Советские потери (чел.)
Польский кризис	1981—1983	1971—1985	кризис	2	0
Гражданская война в Никарагуа (советские советники)	1981—1988	1971—1985	конфликт	8	н/д
Инцидент с южно-корейским Боингом	1983	1971—1985	кризис	1	0
Чадско-ливийский конфликт (военные специалисты, на стороне Ливии)	1987	1986—1991	конфликт	1	22

Источники: Brecke P. 1999. *Violent Conflicts 1400 AD to the Present in Different Regions of the World* (http://pwp.gatech.edu/brecke/wp-content/uploads/sites/19/2014/11/PSS99_paper.pdf); Gleditsch N.P. et al. 2002. Armed Conflict 1946—2001: A New Dataset // *Journal of Peace Research*. Vol. 39. № 5; Sarkees M.R., Wayman F. 2010. *Resort to War: 1816—2007*. — Washington; Агабеков Г. 1992. *ЧК за работой*. — М.; Филимошин М.В. 1999. Людские потери вооруженных сил СССР // *Мир России*. Т. 8. № 4; Кривошеев Г.Ф. (ред.) 2001. *Россия и СССР в войнах XX века: потери вооруженных сил. Статистическое исследование*. — М.; Война в Анголе. 2001 // *Коммерсантъ-Власть*. 4.05; О कोरोков А. *Советские военные специалисты в Никарагуа* (<http://www.chekist.ru/article/3896>).

Смерть Сталина и последовавшая за ней десталинизация во многом определили характер следующего периода (1956—1970 гг.). Отношения СССР с Западом заметно потеплели. И хотя на этот период пришлось два острейших международных кризиса — второй берлинский (1961 г.), ставший одним из наиболее напряженных моментов холодной войны в Центральной Европе, и Карибский (1962 г.), когда размещение на Кубе советских ракет чуть не привело к войне между СССР и США, — вооруженных конфликтов было всего пять, и не очень крупных: подавление восстания в Венгрии (1956 г.), участие советских советников во Вьетнамской войне (1956—1964 гг.), военная помощь Кубе (1962—1964 гг.), ввод войск в Чехословакию (1968 г.) и советско-китайский конфликт на острове Даманский (1969 г.). Установившийся баланс сил между советским и западным блоком снизил вероятность масштабного конфликта между ними.

Первая половина периода 1971—1985 гг. прошла под знаком разрядки международной напряженности. Однако с середины 1970-х годов борьба между двумя военно-политическими блоками стала вновь обостряться, развертываясь преимущественно в странах третьего мира, в частности в Мозамбике, Анголе, Эфиопии и Никарагуа, куда Советский Союз направил своих военных советников. Конец разрядке положила афганская война (1979—1989 гг.)²⁵, не только приведшая к многочисленным жертвам (15 тыс. погибших), но и давшая толчок новому витку холодной войны. Своего рода пиком этого витка стал инцидент с южнокорейским «Боингом», сбитым советским истребителем в 1983 г. Стоит упомянуть также о росте военного напряжения в Европе (серия крупномасштабных советских учений, например «Запад-81» и «Щит-82», и учений стран НАТО, например Able Archer в 1983 г.; усиление гонки вооружений; увеличение военных контингентов; размещение ракет средней дальности), не нашедшем отражения в приводимых в *табл. 2* данных.

²⁵ Поскольку с началом перестройки почти сразу началась деэскалация конфликта, мы полностью относим его к периоду 1971—1985 гг.

В период 1986—1991 гг. в связи с провозглашением новым советским руководством курса на прекращение холодной войны, разрядку и отказ от гонки вооружений (так называемое «новое мышление») участие СССР в вооруженных конфликтах практически сошло на нет. Единственное исключение — помощь Ливии во время чадско-ливийского конфликта, стоившая жизни 22 советским военным специалистам.

Опираясь на представленные выше данные, можно констатировать, что наивысшее геополитическое напряжение приходилось на два временных отрезка: а) с конца 1930-х по середину 1950-х годов и б) со второй половины 1970-х по середину 1980-х годов. Если мы сопоставим показатели геополитического напряжения (общее число кризисов и конфликтов, число жертв, в том числе в год и в среднем на конфликт) с колебаниями в национальной политике, то увидим, что периоды обострения международной ситуации четко совпадают с «жесткими» волнами, сопровождавшимися курсом на политическую и/или культурно-языковую русификацию (см. *табл. 3*).

Таким образом, проведенный нами анализ подтверждает, что, в полном соответствии с теорией Коллинза, национальная политика в СССР была тесно связана с политикой внешней и смена приоритетов в определении принципов межэтнических отношений как минимум частично зависела от уровня геополитического напряжения на международной арене. Когда во внешней политике преобладало «мирное сосуществование», советское руководство готово было проводить политику «коренизации», поощрять развитие этнических меньшинств, поддерживать национальные культуры и национальные идентичности. Когда же международная обстановка накалялась, возрастала потребность в национальном единении, предполагавшем лояльность этнических групп русскому большинству, стимулировавшая переход к политике русификации.

Таблица 3 Волны национальной политики и уровень геополитического напряжения

<i>Период</i>	<i>Тип национальной политики</i>	<i>Число конфликтов (кризисов)</i>	<i>Число жертв</i>	<i>Число жертв в год</i>	<i>Число жертв на конфликт</i>
1926—1938	«Мягкая» волна	5 (0)	2401	171	480
1939—1955	Большая «жесткая» волна	15 (3)	27164164	1597892	1810944
1956—1970	«Мягкая» волна	7 (2)	959	64	192
1971—1985	Малая «жесткая» волна	7 (2)	15146	1009	3029
1986—1991	«Мягкая» волна	1 (0)	22	3	22

Заключение

«Маятник» советской национальной политики колебался по разным причинам. Одна видимая причина — это реактивность, то есть внутренняя логика национальной политики. «Перегибы» одного периода исправлялись в следующем: например, за депортацией народов в 1941—1944 гг. последовала их реабилитация, в основном пришедшаяся на 1956—1958 гг. Другая, возможно, более важная причина — это внешняя политика. Еще в раннесоветский период вопросы национализма были увязаны с внешнеполитическими задачами, и с тех пор национальная политика была подчинена геополитическим интересам. Изучив политические кризисы и военные конфликты, в которых участвовал СССР с 1926 по 1991 г., мы обнаружили, что «жесткие» волны национальной политики приходятся именно на периоды геополитического напряжения: большая «жесткая» волна совпадает с резким обострением международной обстановки в конце 1930-х — середине 1950-х годов, а малая — с новым витком холодной войны второй половины 1970-х — середины 1980-х годов.

Выявленные нами закономерности свидетельствуют о релевантности геополитической теории Коллинза для анализа национализма в СССР. Но эта теория, на наш взгляд, релевантна и применительно к постсоветской России, и ее использование дает ключ к пониманию трендов современной российской национальной политики.

Распад СССР и кризис государственности начала 1990-х годов резко ослабили внешнеполитический потенциал России. Можно сказать, что она замкнулась в себе и практически отстранилась от международных дел. Единственный конфликт за пределами бывшего СССР, в котором принимали участие российские войска вплоть до 2015 г., — югославский. С 1992 г. российские миротворцы действовали в Боснии

и Герцеговине, с 1999 г. — в Косово (официальному вводу туда миротворческих сил РФ предшествовал марш-бросок российских десантников на Приштину). С приходом к власти в 2000 г. Владимира Путина участие и вес России в мировой политике стали возрастать, однако в своей внешней политике она по-прежнему задействовала исключительно дипломатические средства²⁶. Первый случай использования российских войск за рубежом без мандата ООН — это операция «по принуждению к миру» Грузии в августе 2008 г., когда погибло 69 человек²⁷.

В 1990-х — начале 2000-х годов в России проводилась «мягкая» национальная политика²⁸. Был повышен административный статус республик, расширены их права в кадровой, экономической и культурно-языковой сферах, многие республики заключили с Москвой двусторонние договоры о разграничении полномочий. Приоритетами национальной политики на федеральном уровне были провозглашены межэтническая толерантность и уважение прав меньшинств, что нашло отражение в ряде документов, в частности в Концепции государственной национальной политики 1996 г., делавшей упор на межэтнический консенсус и противодействие этнической дискриминации.

С середины 2000-х годов ситуация стала меняться. Постепенное укрепление «вертикали власти» привело к усилению контроля над национальной политикой. Еще в 2001 г. были запрещены этнические и религиозные политические партии. Начала снижаться доля руководителей, принадлежащих к титульному этносу²⁹, ужесточаться политика в культурно-языковой сфере. Так, в 2005 г. вступил в силу федеральный закон «О государственном языке РФ», направленный за защиту русского языка, в том числе в ущерб языкам меньшинств³⁰. Но особого внимания в этом плане заслуживают «Стратегия государственной национальной политики в РФ на период до 2025 г.» и Федеральная программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014—2020)», принятые в начале третьего президентского срока Путина, где в качестве приоритетов национальной политики фигурируют укрепление гражданского единства и гражданского патриотизма.

Украинский кризис 2014 г. кардинально изменил внешнеполитический курс России. Присоединение Крыма и поддержка донецких и луганских сепаратистов проходили под лозунгами защиты «русского мира»³¹. Согласно данным независимых расследований, в конфликт в Восточной Украине вовлечены регулярные российские войска³², однако Кремль отрицает их участие в нем (признавая лишь присутствие отдельных «добровольцев» и «отпускников»). Соответственно, официальных данных о потерях нет, хотя есть основания полагать, что они довольно велики. В 2015 г. российские войска (в основном авиация) начали военную операцию в Сирии, которая продолжается до сих пор. Российские потери составляют не менее 33 человек³³ — и это без учета потерь частной военной компании, известной как «группа Вагнера»³⁴, счет которым может идти на сотни³⁵. В любом случае, с момента распада СССР российская военная активность за рубежом еще никогда не была

²⁶ В этом смысле примечательна резкая критика российским руководством американского вторжения в Ирак в 2003 г.

²⁷ СКП 2009.

²⁸ Shcherbak, Sych 2017.

²⁹ Там же.

³⁰ Chevalier 2006; Prina 2013.

³¹ Зевелев 2014.

³² См., напр. Солопов 2014.

³³ Список 2017.

³⁴ Рождественский и др. 2016.

³⁵ Счет 2017.

столь масштабной. Период с 2014 г., бесспорно, является пиком геополитического напряжения для постсоветской России: на международной арене РФ одновременно противостояит Западу и воюет с исламскими террористическими группами и движениями.

Одним из последствий подобного обострения международной обстановки стала своего рода «имперская консолидация» на основе образа внешнего врага (прежде всего в лице США) и гордости за военную мощь России, восстановившей свой «державный» статус³⁶. Весьма показателен в этом смысле рост негативного отношения к Америке как среди элит, так и на массовом уровне³⁷. Не исключено, что переход к конфронтационной внешней политике был осознанным выбором российского руководства, стремящегося увеличить свою поддержку среди населения.

Отразилась ли смена внешнеполитического курса России на ее национальной политике? Имеющиеся в нашем распоряжении данные о ситуации в республиках РФ пока не дают оснований говорить о начале новой «жесткой» волны, связанной с курсом на русификацию в политической или культурной сфере. Однако для того чтобы подтвердить или опровергнуть этот тезис, нужны дополнительные исследования. Очевидно одно: наметившееся уже более десяти лет назад движение в этом направлении может быть остановлено только после разрядки отношений между Россией и остальным миром.

³⁶ Понарин, Комин 2016: 90.

³⁷ Там же: 86, 88.

Библиография

Агабеков Г. 1992. *ЧК за работой*. — М. (http://lib.ru/MEMUARY/AGABEKOW/ch_zh_rabotoj.txt_with-big-pictures.html).

Война в Анголе. 2001 // *Коммерсантъ-Власть*. 4.05 (<https://www.kommersant.ru/doc/256312>).

Зевелев И.А. 2014. Трансформация национальной идентичности и новая внешнеполитическая доктрина России // *Россия в глобальной политике*. 27.04 (<http://globalaffairs.ru/number/granitsy-russkogo-mira--16582>).

Коллинз Р. 2015. *Макроистория: Очерки социологии большой длительности*. — М.

Кривошеев Г.Ф. (ред.) 2001. *Россия и СССР в войнах XX века: потери вооруженных сил. Статистическое исследование*. — М.

Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: Статистический ежегодник. 1987. — М.

Народное хозяйство СССР в 1985 году: Статистический ежегодник. 1986. — М.

Окороков А. *Советские военные специалисты в Никарагуа* (<http://www.chekist.ru/article/3896>).

Понарин Э.Д., Комин М.О. 2016. Дилемма русского национализма («Имперский» и этнический национализм в постсоветской России) // *Полития*. №. 4 (83).

Рождественский И., Баев А., Русяева П. 2016. Призраки войны: как в Сирии появилась российская частная армия // *РБК*. 25.08 (<http://www.rbc.ru/magazine/2016/09/57bac4309a79476d978e850d>).

СКП уточнил российские потери во время войны в Южной Осетии. 2009 // *Lenta.ru*. 7.08 (<https://lenta.ru/news/2009/08/07/losses/>).

Солопов М. 2014. Расследование РБК: откуда на Украине российские солдаты // *РБК*. 2.10 (<http://www.rbc.ru/politics/02/10/2014/542c0dcfcb20f5d06c1d87a>).

Список погибших россиян с начала кампании ВКС в Сирии. 2017 // *РБК*. 3.05 (<http://www.rbc.ru/politics/03/05/2017/58457c589a79473fa152c4a2>).

«Счет российских потерь в Сирии идет на сотни»: интервью с бывшим наемником «Вагнера». 2017 (<http://militaryarms.ru/novosti/interviu-s-naemnikom/>).

Филимошин М.В. 1999. Людские потери вооруженных сил СССР // *Мир России*. Т. 8. № 4.

Щербак А.Н., Болячевец Л.С., Платонова Е.С. 2016. История советской национальной политики: колебания маятника? // *Политическая наука*. № 1.

Anderson B., Silver B. 1984. Equality, Efficiency, and Politics in Soviet Bilingual Education Policy, 1934—1980 // *American Political Science Review*. Vol. 78. December.

Brecke P. 1999. Violent Conflicts 1400 AD to the Present in Different Regions of the World // *1999 Meeting of the Peace Science Society* (http://wpw.gatech.edu/brecke/wp-content/uploads/sites/19/2014/11/PSS99_paper.pdf).

Bunce V. 1983. The Political Economy of the Brezhnev Era: The Rise and Fall of Corporatism // *British Journal of Political Science*. Vol. 13. № 2.

Chevalier J. 2006. Russian as the National Language: An Overview of Language Planning in the Russian Federation // *Russian Language Journal*. April.

Gleditsch N.P., Wallensteen P., Eriksson M., Sollenberg M., Strand H. 2002. Armed Conflict 1946—2001: A New Dataset // *Journal of Peace Research*. Vol. 39. № 5 (https://www.prio.org/Global/upload/CSCW/Data/UCDP/2007/1946-2006_cumulative.pdf).

Lapidus G.W. 1984. Ethnonationalism and Political Stability: The Soviet Case // *World Politics*. Vol. 36. № 4.

Martin T. 2001. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923—1939*. — Ithaca, L.

Prina F. 2013. Linguistic Rights in a Former Empire: Minority Languages and the Russian Higher Courts // *European Yearbook of Minority Issues*. Vol. 10. № 1.

Sarkees M.R., Wayman F. 2010. *Resort to War: 1816—2007*. — Washington.

Shcherbak A., Sych K. 2017. Trends in Russian Nationalities Policy // *Problems of PostCommunism* (forthcoming).

Solchanyk R. 1982. Russian Language and Soviet Politics // *Soviet Studies*. Vol. 34. № 1.

Vujacic V. 2007. Stalinism and Russian Nationalism: A Reconceptualization // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 23. № 2.

References

- Agabekov** G. 1992. *ChK za rabotoj*. — M. (http://lib.ru/MEMUARY/AGABEKOW/ch_za_rabotoj.txt_with-big-pictures.html).
- Anderson** B., Silver B. 1984. Equality, Efficiency, and Politics in Soviet Bilingual Education Policy, 1934—1980 // *American Political Science Review*. Vol. 78. December.
- Brecke** P. 1999. Violent Conflicts 1400 AD to the Present in Different Regions of the World // *1999 Meeting of the Peace Science Society* (http://pwp.gatech.edu/brecke/wp-content/uploads/sites/19/2014/11/PSS99_paper.pdf).
- Bunce** V. 1983. The Political Economy of the Brezhnev Era: The Rise and Fall of Corporatism // *British Journal of Political Science*. Vol. 13. № 2.
- Chevalier** J. 2006. Russian as the National Language: An Overview of Language Planning in the Russian Federation // *Russian Language Journal*. April.
- Filimoshin** M.V. 1999. Lyudskie poteri vooruzhennyih sil SSSR // *Mir Rossii*. T. 8. № 4.
- Gleditsch** N.P., Wallenstein P., Eriksson M., Sollenberg M., Strand H. 2002. Armed Conflict 1946—2001: A New Dataset // *Journal of Peace Research*. Vol. 39. № 5 (https://www.prio.org/Global/upload/CSCW/Data/UCDP/2007/1946-2006_cumulative.pdf).
- Kollinz** R. 2015. *Makroistorija: Oчерki sotsiologii bolshoj dlitelnosti*. — M.
- Krivosheev** G.F. (ed.) 2001. *Rossija i SSSR v vojnah XX veka: poteri vooruzhennykh sil. Statisticheskoe issledovanie*. — M.
- Lapidus** G.W. 1984. Ethnonationalism and Political Stability: The Soviet Case // *World Politics*. Vol. 36. № 4.
- Martin** T. 2001. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923—1939*. — Ithaca, L.
- Narodnoe hozjajstvo RSFSR za 70 let: Statisticheskij ezhegodnik**. 1987. — M.
- Narodnoe hozjajstvo SSSR v 1985 godu: Statisticheskij ezhegodnik**. 1986. — M.
- Okorokov** A. *Sovetskie voennye spetsialisty v Nikaragua* (<http://www.chekist.ru/article/3896>).
- Ponarin** E.D., Komin M.O. 2016. Dilemma russkogo natsionalizma («Imperskij» i etnicheskij natsionalizm v postsovetsoj Rossii) // *Politeia*. № 4 (83).
- Prina** F. 2013. Linguistic Rights in a Former Empire: Minority Languages and the Russian Higher Courts // *European Yearbook of Minority Issues*. Vol. 10. № 1.
- Rozhdestvensky** I., Baev A., Rusyaeva P. 2016. Prizraki vojny: kak v Sirii pojavilas rossijskaja chastnaja armija // *RBK*. 25.08 (<http://www.rbc.ru/magazine/2016/09/27bac4309a79476d978e850d>).
- Sarkees** M.R., Wayman F. 2010. *Resort to War: 1816—2007*. — Washington.
- «**Schet rossioskih poter v Sirii idet na sotni**»: intervou s byvshim naemnikom «Vagnera». 2017 (<http://militaryarms.ru/novosti/interviu-s-naemnikom/>).

Shcherbak A.N., Bolyachevets L.S., Platonova E.S. 2016. Istorija sovetskoj natsionalnoj politiki: kolebanija majatnika? // *Politicheskaja nauka*. № 1.

Shcherbak A., Sych K. 2017. Trends in Russian Nationalities Policy // *Problems of PostCommunism* (forthcoming).

SKP utohnil rossioskie poteri vo vremoa voony v Yuzhnoo Osetii. 2009 // *Lenta.ru*. 7.08 (<https://lenta.ru/news/2009/08/07/losses/>).

Solchanyk R. 1982. Russian Language and Soviet Politics // *Soviet Studies*. Vol. 34. № 1.

Solopov M. 2014. Rassledovanie RBK: otkuda na Ukraine rossioskie soldaty // *RBK*. 2.10 (<http://www.rbc.ru/politics/02/10/2014/542c0dcfcbb20f5d06c1d87a>).

Spisok pogibshikh rossijan s nachala kampanii VKS v Sirii. 2017 // *RBK*. 3.05 (<http://www.rbc.ru/politics/03/05/2017/58457c589a79473fa152c4a2>).

Vojna v Angole. 2001 // *Kommersant''-Vlast*. 4.05 (<https://www.kommersant.ru/doc/256312>).

Vujacic V. 2007. Stalinism and Russian Nationalism: A Reconceptualization // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 23. № 2.

Zevelev I.A. 2014. Transformatsija natsionalnoj identichnosti i novaja vneshnepoliticheskaja doktrina Rossii // *Rossija v global'noj politike*. 27.04 (<http://globalaffairs.ru/number/granitcy-russkogo-mira--16582>).